МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Международное управление устойчивым развитием: пределы необходимого и возможного

Малеев Ю.Н.[*]

Устойчивое развитие в современных условиях предполагает повышение роли международного управления этим процессом, в котором особо возрастает роль международных организаций, прежде всего – ООН. Реализация данной Концепции связана, кроме прочего, не только с применением силы в антикризисных, анти конфликтных мер, но и с решением острых политических, социальных и экологических ситуаций. Четкое определение пределов объективно необходимого и возможного в таких мерах – исключительно актуальная современная проблематика.

Ключевые слова: международное управление; устойчивое развитие; международный конфликт, кризис; антикризисное управление; использование силы; внутренние дела; превентивные операции.

Всем знаком термин «устойчивое развитие». Но при изучении темы оказывается, что тематика международного управления таким развитием оказывается за рамками пристального внимания отечественной доктрины международного права.

Нет смысла дополнительно раскрывать понятие «устойчивое развитие», которое было введено в мировую политику и науку известной комиссией Брутланд (создана в 1984 году) в контексте Всемирной стратегии охраны природы (ВСОП), принятой в 1980г.[1] (Вторая редакция ВСОП, получившая название «Забота о планете Земля – Стратегия устойчивой жизни» была опубликована в октябре 1991 г.)

[*] Малеев Юрий Николаевич – д.ю.н., профессор кафедры международного права МГИМО МИД России. Ilc48@mail.ru.

Но есть смысл подчеркнуть, что именно с тех пор концепцию устойчивого развития все чаще стали понимать шире: как включающую в себя *не только экологическую составляющую*, но и захватывающую другие сферы жизни общества, которые лишь в совокупности могут обеспечить должное развитие. В этом контексте следует понимать также историческое решение принятого главами правительств и лидеров 179 стран в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) решения об изменении курса развития всего мирового сообщества. Без «международного управления» такое «изменение курса» нет смысла начинать не только на уровне «всего мирового сообщества», но и на любом другом уровне.

Кроме того, каждое государство в отдельности, намереваясь участвовать в международном управлении, должно отвечать определенным критериям. Они предусмотрены, к примеру, в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утверждена Указом Президента РФ № 440 от 1 апреля 1996 г.). Она следует рекомендациям и принципам, изложенным в документах Конференции в Рио-де-Жанейро 1992 года, руководствуется ими.

Важно и то, что *Всемирный саммит ООН по устойчивому развитию* в 2002 году (Йоханнесбург, ЮАР) подтвердил приверженность всего мирового сообщества идеям устойчивого развития, разработанным, кроме прочего, на Конференции ООН по проблемам окружающей среды в 1972 году (Стокгольмская декларация 1972 г.). Хотя СССР (соответственно – и Россия) не участвовал в данной Конференции, принятые на ней документы продолжают сохранять значение для российского права.

В Плане выполнения решений данного Всемирного саммита специально подчеркивалось, что основу устойчивого развития на национальном уровне составляют продуманная экологическая, *социальная и экономическая политика* (*выделено мною – автор*)[2]. Отметим также, что в п. 2.2 «Повестки дня на XXI век», принятой в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, указывается: «Большое значение для устойчивого развития имеют как экономическая политика отдельных стран, так и международные экономические отношения». И заметим, что низкая эффективность (как отмечают многие эксперты) указанной Повестки только обостряет внимание к необходимости поисков эффективных совместных международных (и, разумеется, национальных) методов управления устойчивым развитием.

В связи с этим непременно следует отметить и тот факт, что на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. (считайте – «сегодня») без голосования принята Резолюция «Преобразование

нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», в которой закреплены 17 целей устойчивого развития и подчеркивается единство его трех компонентов: экономического, социального и экологического. Здесь специально указывается на необходимость поощрять универсальную, открытую, недискриминационную и справедливую многостороннюю торговую систему в рамках ВТО, в том числе благодаря завершению переговоров по ее Дохинской повестке дня в области развития (п.17.10).

Когда мы повторяем и другие даты и события в интересующем нас плане (например, Экономический Форум в Давосе в 1999 г., в 2016 г.; Конференция министров на тему «Окружающая среда для Европы», Киев, 2003 г.), в нашем уме постоянно как бы звучат слова: «Но ведь все это – стремленье совместно, международно управлять, а не просто сотрудничать».

Полагаю, что особая роль в этом процессе международных инвестиционных отношений не требует обоснования[3]. (Хотя следует иметь в виду неудачу с 20-летней попыткой государств – членов ОЭСР согласовать проект Многостороннего инвестиционного соглашения[4]).

Отметим также важную роль Всемирного банка, специализированного учреждения ООН, в которого входят: Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международная финансовая корпорация (МФК), Международная ассоциация развития (МАР), Многостороннее агентство гарантии инвестиций (МАГИ). Предоставление Всемирным банком кредитов, займов и оказание другой помощи в экономическом развитии государствам, несомненно, способствует укреплению «управленческого механизма» устойчивым развитием.

Как отмечает В.Н. Кузнецов, достижение должного уровня устойчивого развития требует *согласованных действий мирового сообщества* с целью выявления имеющихся противоречий, определения путей их возможного разрешения и *глобального управления этими процессами*, включая разработку и законодательное закрепление механизмов реализации концепции устойчивого развития[5].

Полагаю, что речь можно вести не обязательно о глобальном управлении, но и о региональном, ином многостороннем (и даже, иногда – о двустороннем) управлении.

Резкие изменения в международных отношениях конца XX - начала XXI века не позволяют с оптимизмом говорить о глобализации и даже о регионализации. И тем не менее:

– сохраняется необходимость принятия эффективных, кроме прочего, международно-правовых мер устойчивого развития;

– Указы Президента России от 4 февраля 1994 г. «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» и от 1 апреля 1996 г. «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» прямо указывают на преемственность по отношению к принципам и подходам, сформулированным Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. Они не утратили силу;

– в Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства РФ от 31.08.02 № 1225-р. определена основная задача в области международного сотрудничества в рассматриваемой сфере. Концепция устойчивого развития нашла отражение и в других федеральных законах;

– данная Концепция направлена на сохранение социальной и культурной стабильности, в том числе – на сокращение числа разрушительных конфликтов;

– без справедливого распределения ресурсов и возможностей между всеми членами человеческого общества устойчивое развитие невозможно. Постоянно будут революции или иные насильственные акции. *Гарантированный* минимальный уровень жизни должен быть неотъемлемым правом любого гражданина;

– нужна более действенная координация в масштабе планеты, отдельных стран и регионов по решению таких насущных проблем, как (кроме прочего): предотвращение войн, других вооруженных конфликтов; борьба с опустошением, голодом, эпидемиями, детской смертностью и другие.

О международном управлении написано и будет написано много, в том числе – автором настоящей статьи[6]. Но возвращаться к этой теме приходится постоянно, особенно в контексте исторических перемен, произошедших после крушения СССР.

Как писал в конце прошлого века один из аналитиков: «Нынешний виток «рассеянной» дестабилизации отражает кризис миросистемного регулирования – по-видимому, самый глубокий со времен последней мировой войны. Смысл разговора о нем – не в провозглашении неизбежности новой войны, а в остроте потребности соединить усилия в интересах *реформы международного управления*. Исторически подтверждаемая ненадежность многополярной структуры мироуправления в новых международных условиях заставляет трезво оценивать вырисовывающуюся ей альтернативу *управления однополярного*. Оно может оказаться далеко не худшим вариантом развития – при условии, что центр глобального регулирования будет представлять собой сплоченное

единство ограниченного круга ответственных государств. Задача России – обрести свое место в этом ответственном клубе, который вряд ли станет первым незамутненным образцом демократизма мировой политики, но может компенсировать падение управляемости и предотвратить разрастание типологически новых и оттого лишь более опасных «рассеянных» угроз».[7]

Полагаю, что в контексте нового витка «рассеянной дестабилизации» начала XXI века и этот аналитик сегодня не совсем полагался бы на свои мысли 1993 года, приведенные выше. Но в любом случае приходится взвешенно подходить к оценке прежних оптимистичных концептуальных подходов к проблематике международного управления. Особенно его универсального варианта в плане формирования системы, напоминающей мировое правительство. (Под эгидой ООН, разумеется).

В этом отношении для меня весьма значимыми являются тезисы, высказанные Министром иностранных дел России И.С. Лавровым в 2004 году[8]. Важными и потому, что их автор – Министр иностранных дел, и потому что России, и потому, что они выражают мысли большинства «трезво думающих, но не всегда высказывающих» лиц того времени. (Интересно было бы знать, что сегодня думают эти лица).

В частности, в 2004 году для Министра иностранных дел России стало очевидно, что исчезновение «негативной стабильности эпохи холодной войны» способствовало обострению многочисленных региональных конфликтов. «Опасной тенденцией, – пишет он, – стало их превращение в реальные или потенциальные очаги терроризма, преступности, наркоторговли и распространения оружия массового уничтожения. Всему этому способствуют сохраняющиеся во многих регионах нищета, безработица, напряженность на социально-экономической, межнациональной и религиозной почве, создающие питательную среду для экстремистских настроений»[9].

«Устойчивая неразвитость» – такой характерный в этом плане термин все чаще звучит на различных международных форумах. Как отмечает И.С. Лавров:

– Важнейшая проблема мировой экономики начала XXI в. – преодоление бедности и отсталости, которые характерны, прежде всего, для развивающихся стран, где проживает почти 2/3 населения Земли. Поэтому данную глобальную проблему часто называют проблемой преодоления отсталости развивающихся стран. Для большинства этих стран характерны ужасающие масштабы нищеты**;**

– Сохранение такого положения формирует в широком общественном сознании этих стран негативное отношение к существующему в мире

порядку. Это выражается в идеях об ответственности развитых стран за положение в развивающихся странах, а также в требованиях перераспределения доходов в мировой экономике, «уравниловки» в мировом масштабе (движение за установление нового международного экономического порядка);

– другое направление поисков более надежного международного управления связано с совершенствованием механизмов многостороннего сотрудничества. Наиболее универсальным из них, несомненно, является ООН. Эта организация не требует рекламы, обладая громадным и уникальным опытом деятельности на глобальном и региональном уровне. Важно добиваться того, чтобы она была готова более эффективно реагировать на кризисы, чтобы были установлены более четкие критерии применения принудительных мер, включая силовые, и не обязательно по решению Совета Безопасности. Эта тема, которая в последние годы всплывает под разными названиями – «гуманитарная интервенция», «безопасность человека», «право на защиту», – стала одной из центральных в работе созданной генеральным секретарем ООН Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам;

– …еще одно направление нового мироустройства касается дальнейшего укрепления международного права. Россия не рассматривает его как раз и навсегда установленную догму. Так же, как и национальное законодательство, международное право должно следовать за жизнью. В частности, необходимость выработки подходов к гуманитарным катастрофам показывает, что международное право нуждается в совершенствовании, в заполнении определенного вакуума[10].

Так что же из себя может представлять «новое международное право»?[11]

Предполагается, что оно прогрессивно развивается в направлении формирования некоего содержательно нового права, адекватно отвечающего объективным реалиям современных международных отношений, с точки зрения международного управления. И влияют на этот процесс, прежде всего, такие факторы: исчезновение биполярной системы мира после распада СССР; резкое усиление силового начала в международных отношениях; информационная глобализация на основе Интернета; активная экономическая интеграция; возрастание глобального (и решающего для судеб человечества) ресурсного фактора; всплеск цивилизационного противостояния; тенденции ограничения суверенитета государств во имя коллективных целей[12].

Некоторые аналитики не так давно утверждали, что «современное мировое сообщество приобретает …характер *единого целостного*

организма – глобального по масштабам и последствиям»[13]. Транснациональные корпорации (ТНК), которые иногда предлагается даже признать субъектами международного права, якобы, подают в этом отношении пример.

Нельзя с безоговорочным оптимизмом расценивать усилившееся в этих условиях взаимовлияние и взаимодействие национальных правовых систем друг с другом, региональными системами и общим международным правом[14]. Но процесс идет и основное в его базисе сегодня – перелив капитала, который (наряду с трансграничным движением товаров и услуг) все увереннее приобретает транснациональный характер, способствуя усилению роли международного управления. Возникновение системного единого экономического пространства (ЕЭП)[15] в этом плане показывает, возможно, образец.

Одновременно идущий процесс формирования глобального единого информационного пространства планеты (ГЕИП), региональных и других ЕИП побуждает еще активнее переосмысливать сложившуюся «традиционную» международно-правовую надстройку, не подгоняя под нее насильно то, что не умещается в прежние формы.

В.М. Шумилов полагает целесообразным оставаться в рамках относительно устоявшейся концепции «транснационального права» (ТНП), когда участники международных отношений самостоятельно вырабатывают нормы взаимного поведения, которые представляют собой «синтетическую правовую сферу, где взаимодействуют субъекты как международного права, так и внутригосударственного права»[16]. Споры относительно ТНП будут еще долго, на наш взгляд, продолжаться. Но возможно, что, как и предсказывает И.С. Лавров (см. выше), нарастает процесс передачи решения наиболее важных для коллектива государств вопросов с уровня международного договора на уровень решения международного органа.

Как представляется, государства и другие участники международных отношений все более начинают оценивать преимущества институционального международного управления, коллективной воли в рамках международных организаций по сравнению с традиционным договорным (и обычно – правовым) механизмом. Не случайно все чаще предлагается тщательно взвешивать, насколько целесообразно ограничиваться заключением договора без передачи решения проблематики на уровень действующей международной организации или учреждения новой.

Можно считать признаком нового международного права усиление прогрессивной роли коллективной воли (ее относительной автономности) международных организаций. Нормативная система Европейского

Союза и ее квинтэссенция – Лиссабонский договор 2007 года наглядно это демонстрирует хотя бы как попытку[17].

Вообще, феномен «европейского права» существует как бы сам по себе, не будучи ни международным правом, ни внутригосударственным правом. Некоторые авторы[18] стремятся обосновать, что «европейское право» является частью международного права со своими особенностями. Но другие полагают, что это действительно феномен международно-правового происхождения (не исключено, что временного порядка), в котором коммунитарное начало (истоки его следует искать еще до нашей эры) находится в тесном переплетении с субсидиарным началом (внутригосударственным правом), но не сливается с ним[19].

Наднациональное решение (как и любое иное решение) международной организации нельзя уравнивать с международным договором по своей юридической природе и силе. И, судя по всему, все большее понимание приобретает концепция постепенного перехода именно к институциональной форме международного управления.

В настоящее время выстраивается пока что, в основном, кризисное (антикризисное, пост-кризисное) управление[20], которое может быть эффективным лишь в рамках институционного механизма (хотя бы временного). При этом, похоже, «ресурсный» аспект привлекает наибольшее внимание в силу наступления ресурсного голода, прежде всего, в сфере энергетических ресурсов[21]. Хотя, повторим, исследуемая проблематика носит более общий характер, состоящий в том, что будущий миропорядок в целом должен основываться на коллективных механизмах решения мировых проблем[22].

В этом плане нельзя не напомнить, что по инициативе России в 2004 году были приняты резолюции Совета Безопасности ООН 1540 и 1566 в отношении: четкого определения терроризма; режима нераспространения ОМУ в части доступа негосударственных субъектов к такому оружию и его компонентам; недопустимости укрывательства пособников терроризма от правосудия. На основе решений Совета Безопасности должна продолжаться соответствующая «управленческая» работа на универсальной основе. Речь идет о продвижении проекта Международной конвенции о борьбе с терроризмом и российского проекта Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма.

Много споров вызывает сопряженный с темой «гуманитарных интервенций» вопрос о соотношении государственного суверенитета и необходимости реагировать на кризисы в тех или иных странах (Сирия в этом плане – наиболее актуальный пример)[23]. Над «международным

управлением», а проще – над поиском верного международно-правового ответа, предстоит непростая работа.

И непременно с позиций управления международными конфликтами. В этом плане приоритетного внимания заслуживает новейшая концепция, развиваемая американскими конструктивистами. О.Г. Карпович, исследующий эту концепцию[24], выделяет в ней ряд важных положений, требующих внимательной оценки:

– социальная реальность не является ни неизменно данной, ни рационально предопределенной. Отсюда вытекают три основных принципа конструктивизма: культурная, историческая и политическая обусловленность социального действия**;**

– международные отношения – система, возникшая на Западе и продолжающая отражать и воспроизводить мышление западной цивилизации, оставаясь относительно закрытой для влияний из не западных частей мира;

– **Принцип исторической обусловленности** типа внешнеполитического поведения демократии предполагает реконструкцию реально существовавших форм демократии, исходя из исторического контекста**.** Демократия без учета социально-экономических характеристик оказывается лишь проекцией одного общества на другое без учета культурных особенностей последнего. Демократия не может насаждаться, если она порождает угрозу дестабилизации культурных сообществ;

– Международные отношения – «борьба» – конкуренция за культурные смыслы и культурное самоопределение, а не за власть или утверждение идеалов либерализма. И власть и свобода – лишь варианты такого рода смыслов и представляют собой частные случаи самоопределения в системе международных отношений;

– **Управление конфликтами** – это не что иное как управление групповым поведением его участников, рассматривая их как социальную группу, в которой поведение членов этой группы регулируют социальные законы... Нет никакой разницы в законах социального ролевого поведения в группах, состоящих из отдельных членов общества, или в группах, состоящих из акторов международных отношений и мировой политики, даже если эти акторы – нации-государства: ролевое поведение их в составе группы определяется известными и хорошо изученными законами социального взаимодействия. То же относится и к международным конфликтам: конфликтное взаимодействие в них строится по принципам внутригруппового социального конфликта. Идет явный перенос схем, теорий, законов и практики социального взаимодействия на сферу международных отношений.

В исследуемом плане особое значение приобретает разрабатываемая и получившая применение в политической практике России концепция управления конфликтами при помощи технологий информационно-психологического воздействия. Иными словами, ведения информационных войн и психологического воздействия на массовое сознание в конфликтных ситуациях.

Универсальной модели в этом плане нет. Во внешнеполитическом курсе России, в противовес сторонникам либерального направления, ориентирующего на интеграцию с Западом, с очевидностью набирает вес модель *самостоятельного развития, основанного на национальных ценностях***.** А это предполагает наступательную стратегию России в глобальном информационно-психологическом противоборстве. То есть «управление» сочетается с конкуренцией, противоборством самих «управляющих»[25].

Причем, как показывает сирийский опыт борьбы с ИГИЛ, это информационно-психологическое противоборство в определенных ситуациях лишь прелюдия к противоборству вооруженному.

«Традиционные» культурно-цивилизационные модели информационно-психологического управления конфликтами включают в себя: англосаксонскую, восточноазиатскую, ближневосточную и романо-германскую модели. В этой глобальной системе соответствующая *российская национальная модель не сложилась,* но находится в стадии активного формирования. Специалисты полагают, что в перспективе она сможет составить реальную конкуренцию западным моделям, которые к тому же содержат в себе скрытые системные риски, способные стать причиной новых кризисов.

Видимо, следует воспринять как сложившуюся парадигму утверждение о том, что современные международные конфликты «обладают большим родовым и видовым сходством и развиваются в целом по одним и тем же закономерностям».

И опять же встает вопрос: что за центр может аккумулировать в себе «нейтральную», незаинтересованную позицию в данном вопросе. И опять же ответ один – ООН. Но что из себя сегодня представляет эта организация?

Творчески переработаю свои же соображения на эту тему, высказанные 10 лет тому назад:

– Реформа ООН неизбежна. Она теряет авторитет и уступает свои позиции региональным организациям, самостоятельным коллективным и индивидуальным действиям государств по самому главному

вопросу – обеспечению мира и безопасности, регулированию все взрастающего числа чрезвычайных ситуаций, связанных с применением силы;

– Американская ассоциация содействия ООН, выражая общее мнение, в 80-х годах констатировала основные причины кризиса ООН: неопределенность роли ООН в мире и неспособность к адаптации этой роли к происходящим в мире изменениям: глобализация мировой экономики; рост национализма; перемещение основной части конфликтов за рамки тех форм, которые предусмотрены Уставом ООН; вытеснение системы союзов системой биполярности или монополярности с **использованием, в основном, средств ядерного сдерживания**; многократное увеличение количества членов ООН[26];

– Давний американский интерес в превращении ООН в мировое правительство понятен. О нем можно судить, в частности, по книге Г. Кларка и Л. Сона «Всеобщий мир через мировое право» издания 1960 г.[27] Но на эту идею работали и продолжают работать и объективные международные факторы. Хотя, как представляется, бесперспективно;

– человечество с ожесточением приближает свой конец посредством приведения в негодность окружающей среды; безудержного размножения именно в тех регионах, где с очевидностью наступило «перепроизводство» человеческого материала; разработки самых изощренных, расползающихся по всему миру, способов уничтожения себе подобных при полном крахе системы разоружения; проповеди оголтелого фанатизма на религиозной и расовой почве и т.п.;

– самое время появления наднационального механизма, который принял бы на себя роль управления мировыми процессами, рассчитывать на самоорганизацию которых уже не приходится;

– ООН, прежде всего, должна заняться *социальным устройством государств*. За привычными словами об уважении суверенитета государств и невмешательстве в их внутренние дела, со стороны ООН это на практике означает самоустранение от того, чтобы помогать социально-политическому развитию, влиять на него, способствуя тем самым избавлению человечества от истоков ужасов и бедствий войны и всякого рода конфликтов и террористических актов;

– Схема работы ООН в социально-политической сфере, примерно, такова: мониторинг социально-политического положения в каждой (абсолютно каждой) стране; оценка его эффективности как с точки зрения обеспечения основных прав человека так и мирного сосуществования с другими государствами; выработка в случае необходимости рекомендаций по *изменению социально-политической ситуации в конкретной стране в утвержденном* СБ направлении; принятие мер дипломатического,

информационного, экономического и, если потребуется, военного характера (скажем, ликвидации антинародных или агрессивных режимов) для непременного претворения в жизнь принятых решений;

– вероятно, наступило время для серьезного отношения к «космической утопии» К. Циолковского, как называли его философские идеи еще в 1991 году[28]. Я не имею в виду прогноз о том, что в будущем произойдет полная биохимическая перестройка обитателей Земли и их превращение в разумные «животно-растения», непосредственно перерабатывающие солнечную энергию. Пока таких превращений мы не наблюдаем, хотя кто знает… Более понятно другое предсказание великого ученого: о том, что человечество расселится в Солнечной системе и других звездных мирах. ООН должна (опираясь на данные, получаемые с помощью космических зондов, станций и т.п.), в первую очередь, определить – на какую планету переселяться и какова идеология такого переселения, в частности, чьи геномы (или сперматозоиды и материнские клетки?) запускать в космос, иными словами – кого помещать в новый «Ноев ковчег»?

Существует множество других тонкостей, связанных с исламским миром и имеющих отношение к теме настоящей статьи. Но важен напрашивающийся вывод: сам этот мир считает себя отдельным (можно сказать – избранным Аллахом) от всего остального человечества и потому ставит цель достигнуть общего мироустройства на исламских началах, лишь вынужденно, по необходимости, считаясь с наличием остального человечества. Эту вынужденность и придется учитывать ООН в дальнейших своих отношениях с исламским миром как целым и с каждым отдельным исламским государством.

Не может ООН форсировать то, что пока что доказывает свою несостоятельность на региональном уровне[29]. Иное дело, что на уровне ООН следует попытаться (mutatis mutandis, преобразуя в универсальное качество) внедрить зарекомендовавшие себя принципы и методы региональной интеграции[30]. Такая попытка встретит и понимание и негативную реакцию, поскольку региональная интеграция задумывалась только для государств конкретного региона. Распространение ее на «посторонних» может вызывать тот же синдром несовместимости, какой возник в «настоящей» Европе (Франции и Нидерландах, во всяком случае) относительно полного объединения с новыми Восточно-европейскими государствами и Турцией.

Для ООН следует искать пока что приближенную модель общего управления, опирающуюся на региональный опыт, но заимствующую из него только то, что будет подходить для всех государств.

А в последующем, точно так, как это попытались сделать в Европе с проектом Конституции для Европы, можно пытаться эволюционно повышать «уровень универсального управления» путем принятия соответствующих решений ГА ООН.

Тема «международного управления» имеет непосредственное отношение к проблематике невмешательства во внутренние дела государства в том смысле, что должны быть представления о той границе, где допустимо такое «управление». В 2013 году я попытался разобраться в этом.[31] Самое нужное и для данной статьи повторю, там, где уместно критически оценивая и развивая свои прежние мысли:

– у многих вызывает сомнение адекватность мысли Кофи А. Аннана, бывшего Генерального секретаря ООН, о том, что «Только СБ ООН полномочен решать, что в том или ином государстве создалась угрожающая внутренняя ситуация, которая требует силового вмешательства. При этом даже соображения национального суверенитета могут не приниматься во внимание, если это стоит на пути выполнения Советом Безопасности его главенствующего **долга – сохранить международный** мир и безопасность»[32]**.**

Хотя резонанс соответствующая лекция К. Аннана вызвала большой (в ответ на призыв К. Аннана правительство Канады даже создало в 2000 г. Международную комиссию по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (её ещё называют комиссией Эванса-Сахнуна), представленный данной Комиссией в 2001 году на рассмотрение Генерального секретаря и членов ООН *доклад «Ответственность за защиту»* («The Responsibility to Protect»)[33] не построен на столь односторонней абсолютизации роли Совета Безопасности ООН;

– решается трудная задача: нарастает угроза мировому правопорядку (борьба с терроризмом в этом плане – лишь частный случай), ликвидация которой нередко бывает невозможной исключительно мирными средствами или исключительно по решению Совета Безопасности ООН, и становится невозможным обойтись без применения силы, чаще – вооруженной, группой государств или отдельным государством.[34]

Вероятно, что в ближайшее время *экологический кризис* выйдет (если уже не вышел) на первый план. Не исключено, поэтому, что «экологическому приоритету» будет уделяться все большее внимание и что ООН скоро просто некуда будет деться от того, чтобы реально принять на себя функцию глобального управления процессом «человек – окружающая среда».

Наивностью отдает пятый доклад Римскому клубу «Цели для человечества», в котором сформулирована концепция *глобальной солидарности*,

путь к которой, по мнению его авторов, должна открыть «революция мировой солидарности», связанная с перестройкой сознания и формированием нового «глобального этноса» с *общечеловеческой моралью*. (Доклад опубликован в 1977 году). В 1980 году Римский клуб вынес на широкое обсуждение модель будущего мирового порядка, основанного на сосуществовании различных культур, религий, образов жизни и т.п. Но и тогда было понятно, что «Только тот прогресс и только такие изменения, которые соответствуют человеческим интересам и находятся *в пределах его способностей к адаптации*, имеют право на существование и должны поощряться»[35].

Способно ли человечество к такой мирной адаптации, хотя бы для того, чтобы избежать взаимоуничтожения – опять вопрос. Видимо, уже *не обойтись без глобальной организации*, способной обеспечивать общие интересы всех государств, будучи наделенной соответствующими силовыми полномочиями и ресурсами. Речь в данном случае может идти о *постепенной трансформации ООН в более эффективную систему глобального управления*[36].

Госпожа О'Брайен, глава юридической службы ООН, рассуждает проще. Она полагает, что необходимо найти иное решение в «кризисных ситуациях, когда СБ ООН не даст согласия на применение принудительных мер в соответствии с Главой VII» Устава ООН. Она приводит мнение ряда государств о том, что концепция «Ответственность за защиту» не является нормой международного права, но в то же время упоминает что, по мнению других государств, эта концепция «является *уполномочивающей новой нормой*, которая, хотя и не стала обязательной новой нормой, накладывает безусловные новые обязательства, возлагает дополнительную ответственность, включающую *реальные действия*»[37].

В связи со сказанным возникает вопрос о *международно противоправном неприменении вооруженной силы* в определенных ситуациях[38], требующий специального исследования.

International Management of Sustainable Development: the Limits of the Necessary and the Possible
(Summary)

Yury N. Maleev[*]

Sustainable development in contemporary world supposes the increase of the role of international management by this process, where the role of international organizations, United Nations first of all, is specially increasing. The realization of this Concept is connected, among all, not only with the use of force in anti-crisis, anti-conflict measures, but in decision of acute political, social and ecological situations. Strict definition of what is objectively necessary and possible in such measures – is extremely acute contemporary problem.

***Keywords*:** international management; sustainable development; international conflict, crisis; anti-crisis management; use of force; internal affairs; preventive operations.

[1] Как развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека.

[2] Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. Приложение. A/CONF.199/20. С. 10. URL: http://docplayer.ru/366206-Rezolyuciya-2-plan-vypolneniya-resheniy-vsemirnoy-vstrechi-na-vysshem-urovne-po-ustoychivomu-razvitiyu.html В этом же «управленческом» контексте мы понимаем тот факт, что в качестве одной из целей в данном Плане указывается «укрепление согласованной, эффективной и целевой технической помощи, связанной с торговлей, и программ создания потенциала, в том числе программ, предусматривающих использование существующих и будущих возможностей доступа к рынкам и изучение взаимных связей между торговлей, окружающей средой и развитием».

[3] Подробнее см.: Фархутдинов, И.З. Международное инвестиционное право и процесс. – М., 2010.

[4] О причинах такой неудачи см.: Ковалев, А.А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности. –М., 2007. – С. 378.

[5] Кузнецов В.Н. Безопасность через развитие. – М., 2000. С. 54-57.

[6] Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами (теория и документы). – М.: ЭКОНОМИКА, 2000; Лавров С.

[*] Yury N. Maleev – Doctor of laws, Professor of the International Law Chair, MGIMO MFA Russia. Ilc48@mail.ru.

Демократия, международное управление и будущее мироустройство// Россия и глобальная политика. – 2004. – Т .2. – № 6; Адамишин А. На пути к мировому правительству // Россия в глобальной политике. – 2001. – № 1. – Ноябрь-Декабрь; Зуб А.Т. Антикризисное управление. – М.: Аспект Пресс, 2005; Богатуров А. Кризис миросистемного регулирования // Междунар. жизнь = Intern. affairs. – М., 1993. – N 7. – С. 30-40; Шеленкова Н.Б. Европейская интеграция: политика и право. – М., 2003; Исаев Д.А. К вопросу о правовом обеспечении формирования общего европейского экономического пространства // МЖМП. – 2004. – № 4 (56). – С. 85-95; Лабин Д.К. Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка. Автореф. дисс... д.ю.н. Институт государства и права. – М., 2005; Хабачиров, М. Л. «Гуманитарная интервенция» как способ защиты прав человека ? //Конституционное правосудие и международно-правовые стандарты прав человека в России. Нальчик.: Полиграфсервис и Т, 2002; Н.В. Прокофьев. К вопросу о борьбе с международным терроризмом на территориях иностранных государств // Московский журнал международного права. – 2003.- – № 1 (49). – С. 40-60; Хохлышева О.О. Действующее международное право и современный миротворческий процесс. Н. Новгород, 2000;Черниченко С. В. Гуманитарная интервенция: международные противоречия // Актуальные международно-правовые и гуманитарные проблемы. Сборник статей. Вып. 2. – М., 2001. – С. 134-147; Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации. М,. 2003; Ярышев С.Н. Единое экономическое пространство: понятие и сущность. // Московский журнал международного права. – 2009. –№ 1. – С. 206-224; Моисеев А.А. Надгосударственность в современном международном праве. – М.: Научная книга. 2007; Малеев Ю.Н. Перспективы международного управления // Вестник МГОУ. – 2007. – № 4 (29). – С. 7-16; Воронцова Н.А. Правовые основы становления и функционирования межгосударственного механизма интеграционных процессов в Евразийском экономическом сообществе. Автореферат дисс. доктора юр. наук. Москва. МГИМО (У) МИД России. 2004.

[7] Богатуров А. Там же.

[8] И.С. Лавров. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. – 2004 . – № 6.

[9] Эти негативные факторы не исчезли и сегодня, косвенным проявлением чего является «миграционная катастрофа» в Европе в начале XXI века. И столь же очевидно, что «собственными силами» соответствующие регионы никогда не справятся с ними, а нередко и не стремятся это сделать. А так называемые «цивилизованные нации», следуя языку ст. 38 Статута Международного суда ООН (он же – Международный суд справедливости (!), International Court of Justice, если следовать английскому аутентичному тексту Статута) намерены законсервировать их отсталость под эгидой демократизации социально-политической ситуации и международных отношений.

[10] Лавров С. Там же.

[11] Подробнее см.: Малеев Ю.Н. Новое международное право. Россия и пути решения современных международно – правовых вопросов. – Сборник материалов научно-практической конференции. – Москва. 2010. – С. 171-183.

[12] См.: Мысли А.А. Моисеева по данному вопросу см.: Материалы «круглого стола» Института актуальных международных проблем (ИАМП) Дипломатической академии МИД России «Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом» // Международная жизнь. – 2009. – № 7. – С. 33.

[13] Фархутдинов И.З. Иностранные инвестиции: Глобальные правовые парадигмы // Право и политика. – 2003. – № 10. – С. 57 – 71.

[14] Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 122.

[15] См., напр.: Алчинов В.М. Процессы региональной интеграции в Европе и на постсоветском пространстве: интересы России: Политологический анализ: Автореф. дисс. ... д.п.н. М., Дипломатическая академия МИД РФ. 2006; Ковалев А.А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности. – М.: Научная книга, 2007; Насибов Н.Н. Перспективы формирования единого экономического пространства // Социальные и гуманитарные науки. Продолжающееся научное издание. Выпуск 11. Приложение к журналу «Вестник Московского государственного открытого университета». – М.: 2006. – С. 50-62; Стариков П.В. Роль права Всемирной Торговой Организации в формировании мирового экономического порядка. Автореф. дисс… к.ю.н. М., Дипломатическая академия МИД РФ. 2006; Шеленкова Н.Б. Европейская интеграция: политика и право. М., 2003; Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации. – М.: 2003; Ярышев С.Н. Единое экономическое пространство: понятие и сущность. // Московский журнал международного права. – № 1. – 2009. – С. 206-224.

[16] См.: Шумилов В.М. Глобализация мировой экономики и глобальная правовая система // Внешнеэкономический бюллетень. N 9. 2002. С. 73. У этой теории есть серьезные зарубежные сторонники, работы которых по данному вопросу известны еще с 1956 года. – См.: Jessup P.P. Transnational Law. New Haven. 1956. Явление наднациональности мы не склонны относить к отдельной правовой системе, как это иногда делают. На наш взгляд, это правовая характеристика, качество. – См.: Моисеев А.А. Надгосударственность в современном международном праве. – М.: Научная книга, 2007.

[17] См.: Бирюков М.М. Лиссабонский договор о новой роли парламентов государств-членов в механизме принятия решений институтами Европейского союза. – Отношения Россия – ЕС на пороге перемен. Liber amicorum в честь профессора Л.М. Энтина. Европейский учебный институт МГИМО (У) МИД РФ. М.: АКСИОМ. 2009. С. 199-215.; Энтин Л.М. Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 годы. М.: Аксиом. 2009.

[18] См., например: Колосов Ю.М. О понятии Европейского международного права // Российский ежегодник международного права, 2006.- СПб.: Россия-Нева. 2007; Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. М.: Научная книга. 2006.

[19] См.: Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право… С. 18 и далее.

[20] Лебедева М.М. Изменение политической структуры мира на рубеже веков…С.10; Зуб А.Т. Антикризисное управление. М.: Аспект Пресс. 2005; Ларионов И.К. Антикризисное управление. Учебное пособие. М.: МГСУ. 2005; Зуб А.Т. Антикризисное управление. М.: Аспект Пресс. 2005.

[21] См.: Фишер С., Дорнбуш Р., Шалензи Р. Экономика. Пер. с англ. М., 1998. С. 659-660; Закирходжаев Л. Д. Международно-правовой режим трансграничных минеральных ресурсов.- Автореферат дисс. канд. юрид. наук. М. МГИМО (У) МИД РФ. 2006. С. 8-9.

[22] См.: Лавров С. Демократия, международное управление и будущее мироустройство// Россия в глобальной политике, 2004, № 6.

[23] См.: Малеев Ю.Н. Дела внутри территории государства, но не внутренние дела // Вестник Дипломатической академии МИД России. «Международное право». М., 2013. – С. 98-116.

[24] Карпович О.Г. Технологии управления международными конфликтами с позиций американского конструктивизма// Международный политический журнал. Мир и политика. 16 октябрь 2012.
[25] Подробнее см.: Карпович О.Г. Технологии управления международными конфликтами…
[26] См.: Организация Объединенных наций в будущем (проект реорганизации управления и системы принятия решений ООН, подготовленный Ассоциацией содействия ООН-США). М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 5-8. Факт, что ООН стояла все эти годы если не в стороне от них, то лишь спорадически, и редко эффективно, пыталась влиять на соответствующие кризисные ситуации. Да и то не в зародыше, в истоках, а уже на стадии возникновения кризиса, конфликта, человеческих жертв, в духе задачи «прорвать нарыв». Сегодня же становится все более опасно дожидаться этих нарывов, только реагировать на возникающие кризисные ситуации. Становится чрезвычайно важным, возможно, определяющим для судьбы человечества, предотвращение самих симптомов наиболее опасных кризисов.
[27] Clark C., Sohn L. World Peace through World Law. Second ed. Cambridge, 1960. Нечто подобное в СССР отважился высказать позднее один из отечественных авторов: Шахназаров Г.Х. Еще одна разрядка или начало перехода к новому миропорядку? // Новое время. – 1989. – № 49. – С. 22-25; А еще позднее: Кириленко В.П., Малинин С.А. Превратится ли Организация Объединенных Наций в мировое правительство? // Региональная политика. – 1994. – № 3.
[28] См. Большой энциклопедический словарь. Том 2. – Главный редактор В.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия. 1991. – С. 620.
[29] Некоторые исследователи склонны расценивать даже Европейский Союз не иначе как эксперимент в области институционального творчества, исход которого не предсказуем.- См.: Sbragia Alberta. Thinking about the European Future: the Uses of Comparison in Europolitics. Wash., D.C., 1992.
[30] Интерес вызывает в этом плане выступление Иванова С.Б. на тему «Глобальная и региональная интеграция в начале XXI века». – 37 Конференция по проблемам международной безопасности. Мюнхен. 2001, 4 февраля.
[31] Малеев Ю.Н. Дела внутри территории государства, но не внутренние дела // Вестник дипломатической академии МИД России. «Международное право». – М. 2013. – С. 98 – 116; Рекомендую также монографию Довгань Е.Ф. Принцип невмешательства во внутренние дела. – Минск. «Право и экономика». – 2009.
[32] Аннан К. Размышления о проблеме вмешательства. Лекция 26.07.1998. в Дитчли Парке (Великобритания). См. сборник выступлений Генерального Секретаря ООН «Проблема вмешательства». – С. 11-12. Опубликовано Департаментом общественной информации ООН, 1999 г.
[33] “The Responsibility to Protect”. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. 2001, ICBN: 0-88936-960-7, 110 pg./http://www.idrc.ca/EN/Resources/Publications/Pages/IDRCBookDetails.aspx? PublicationID=240 (иногда в русском переводе она именуется «ответственностью по защите»). Текст доклада см. также док. ООН A/57/303 от 14.08.2002.
[34] См.: Синякин И.И. Односторонние действия государств, связанные с применением силы: международно-правовые вопросы //Московский журнал международного права. – 2012. – №1. – С.125-140; Тарасова Л.Н. Правомерное принуждение в международном праве // Московский журнал международного права. – 2011. – № 3. – С. 50-67.

[35] Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. – С. 209; Много интересного по данной теме можно почерпнуть в книге: Черниченко С.В. Очерки по философии и международному правую. – М.: Научная книга, 2009.

[36] См.: Лавров С.В. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. 2004. – Т.2. – №6. – Ноябрь-декабрь; Адамишин А. На пути к мировому правительству // Россия в глобальной политике. – 2002. – № 1. – Ноябрь-декабрь и др.

[37] Черниченко С.В.О борьбе с террористами на иностранной территории. – Новые вызовы и международное право. – Институт государств и права РАН, 2010; Лисицын-Светланов А.Г. Новые вызовы, угрозы и возможность перемен: о роли государств в прогрессивном развитии международно-правового регулирования при решении глобальных проблем современного мира. – Новые вызовы и международное право. – Институт государства и права РАН, 2010; Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. – М.: Научная книга, 2006.

[38] Подробнее см.: Малеев Ю.Н. Международно противоправное неприменение вооруженной силы // Казанский журнал международного права. – № 5. – 2012. – С. 154-161.